

рядом с ней — поэт. Через несколько лет, когда Г. уже не было в живых, она писала А. А. Тесковой: «Юноша оказался большим поэтом. Он и при мне (18, 19 лет!) писал стихи, и были прекрасные строки, и я все спрашивала его, верней — себя — Будешь ли ты — или нет — поэтом?» (Там же. Т. 6. С. 417).

С 1929 Г. уезжал на лето в горы. Впечатления от занятий альпинизмом легли в основу его поэмы «Белладонна», которой и суждено было стать первой публикацией поэта. Г. трагически погиб в парижском метро. В газ. «Последние новости», где работал отец Г., 9 дек. 1934 была напечатана с сочувственной вступительной статьей Г. Адамовича альпийская поэма «Белладонна». Из этой публикации Цветаева узнала о гибели своего недавнего друга и написала о нем большую статью «Последний подарок», названную впоследствии «Поэт-альпинист». В янв. 1935 Цветаева посвятила Г. цикл стихов «Надгробье», а 11 апр. выступила с докладом о поэзии Г. в зале Географического общества в Париже. Оказалось, что помимо поэмы у Г. остались и стихи, часть которых опубликовал «Вестник» Брюссельского лит. кружка.

Ю. Иваск, узнав о гибели Г. и познакомившись с его стихами, написал некролог «Памяти Николая Гронского»: «Гронский более, чем кто-либо из молодых зарубежных поэтов, был чуток к современности, такой примитивной, варварской, если сравнить ее с недавним прошлым, но вместе с тем — полной горения и воодушевления — этому неравнодушному прошлому и неизвестному. Поэзия Гронского — не „смутный романтизм“. В его стихах чувствуется большая страсть, которая горячит, но не затуманивает вполне точную и трезвую мысль» (Журнал содружества. Выборг. 1935. № 9). В таллинском ж. «Новь» (1935. № 8) появилась статья Л. Гомилицкого «Несколько слов по поводу „Белладонны“ Н. Гронского»: «„Белладонна“ не точно названа поэмой, это не эпос — лирика, с первых строк настроивающая читателя на лад необычный, возвышенный. Его муза — Державин, но Державин-одописец. Не случайно и лира Гронского прозвучала напряженной, героической одой. Для нашей трагической эпохи нужны гордые слова, пронзающие, как вихрь, слух».

В 1936 родные и друзья Г. собрали поэтическое наследие поэта и выпустили сб. его поэзии. В нем нашлось место и для 2 стих. Г., написанных в 1928 и посвященных М. Цветаевой, откликнувшейся на выход книги теплой рецензией. Этот сб. остался единственной книгой Г., хотя его стихи иногда переиздава-

лись. Они вошли, в частности, в составленную Г. Адамовичем антологию русской зарубежной поэзии «Якорь» (Берлин, 1936), а также в выпущенную Ю. Иваском в 1953 в Нью-Йорке антологию «На западе». Поэма «Белладонна» была напечатана в альм. «Воздушные пути» (Нью-Йорк. 1967. № 5).

В России стихи Г. впервые опубликованы в антологии поэзии русского зарубежья «Мы жили тогда на планете другой» (1994).

Соч.: Стихи и поэмы. Париж, 1936.

Лит.: Цветаева М. Письма к Н. П. Гронскому // Цветаева М. СС: в 7 т. М., 1995. Т. 7.

В. В. Попов

ГРОССМАН Василий (настоящее имя Иосиф) Семенович [29.11(12.12).1905, Бердичев — 14.9.1964, Москва] — прозаик, драматург.

Родился в семье инженера-химика и преподавательницы французского яз. В 1914 поступил в Киевское реальное училище, где учился до 1919, затем — в Бердичеве в единой трудовой школе. В 1922 — Киевский ин-т народного образования, через 2 года перевелся на химическое отделение физмата МГУ. Начал писать в студенческие годы: небольшие статьи в газетах. Окончив ун-т, уехал в Донбасс, где сначала работал химиком-газоаналитиком на одной из шахт, затем научн. сотрудником в Донецком областном ин-те патологии и гигиены труда, а также ассистентом кафедры неорганической химии



В. С. Гроссман

в медицинском ин-те. Опыт общения в преподавательских и научных кругах впоследствии отразился в романах **«За правое дело»** и **«Жизнь и судьба»**. Кроме того, Донбасс дал немало необходимых жизненных знаний о людях шахтерского труда: он изобразил Донбасс в первых своих рассказах **«Запальщик»**, **«Инспектор безопасности»** и в романе **«Степан Кольчугин»**. Там же, в Донбассе, он начал работать над первым большим произведением из жизни шахтеров — романом **«Глюкауф»** (окончательная редакция по замечаниям М. Горького — 1934). В 1933 Г. переехал в Москву. Его окрылил одобрительный отзыв о 2-й редакции **«Глюкауфа»**, а также о рассказе **«В городе Бердичеве»**, который был написан давно, но попался на глаза Горькому, будучи опубликованным в «Лит. газ.». Это рассказ из истории Гражданской войны, отчасти близкий к **«Конармии»** Бабеля. Через много лет по рассказу был снят фильм **«Комиссар»** (реж. А. Аскольдов, в главной роли Нонна Мордюкова; снят в 1967, показан в 1987). **«Глюкауф»** нельзя отнести к достижениям писателя, это типичный для тех лет «производственный» роман, идущий в одном ряду с **«Гидроцентралью»** М. Шагинян, **«Время, вперед!»** В. Катаева и др. «типовыми» произведениями эпохи «социалистического строительства».

В 1930-е писатель работает напряженно, выходят один за другим сб. рассказов: **«Счастье»** (1935), куда вошли более десяти произведений, **«Четыре дня»** (1936), **«Рассказы»** (1937). Часть включенных в них рассказов посвящена Гражданской войне, в них, наряду с личными впечатлениями от событий в родном Бердичеве и в Киеве, чувствуются и лит. влияния, в частности учеба у И. Бабеля, кое-что роднит его с В. Катаевым, другом его в те годы, и с А. Платоновым, творчество которого он всегда и неизменно высоко ценил. В др. рассказах, посвященных современности, преломился материал жизненных наблюдений, почерпнутых в основном в Донбассе и более широко отраженных в **«Глюкауфе»**. Рассказы 1930-х уже дают возможность говорить о складывающейся индивидуальной манере писателя. В ней чувствуется достаточно сильное логическое начало: доказательство какой-либо идеи, которой неукоснительно и несколько жестко подчиняется худож. ткань, не всегда развертывающаяся вольно и свободно. Это художник интеллектуальной складки, которого интересует не случай или событие сами по себе, а их причинно-следственная связь. Рационалистичность мышления

недавнего инженера, привыкшего иметь дело с расчетами и выкладками, не всегда преодолевалась у него чисто художественным путем. Однако лучшие его рассказы тех лет являются собой победу худож. начала. Интеллектуальность прозы Г.— органически присущая ему черта и неотъемлемая особенность его дарования. С опытом, с накоплением мастерства он начинает добиваться более естественного соединения логического и эмоционального начал.

В 1936 Г. приступает к созданию первого своего крупного произведения — начинает работать над романом **«Степан Кольчугин»**. Но одновременно с ним пишет **«Повесть о любви»**, где пробует свои силы в изображении интимного мира души. В центре повести — ученый и крупный инженер — аскеты, преданные прежде всего своему делу, работе. Однако один из них неожиданно для самого себя переживает чувство страстной любви. Идея повести в том, что жизнь складывается из тысячи очень простых вещей, и пренебрегать ими нельзя. Герой **«Степана Кольчугина»** — молодой рабочий, тоже «аскет», преданный делу революции. Г. рисует тяжкую, беспросветную жизнь шахтеров, их нужду, горе, пьянство, массу достоверных и четких подробностей, которые свидетельствовали о незаурядном мастерстве писателя-реалиста. Вместе с тем Г. высвечивал и черты человечности, просвечивающие в жизни забытых людей сквозь неприглядную коросту повседневности. В советской лит-ре до этого романа не было столь подробного изображения заводского и шахтерского быта. Г. показывает, что именно проблески человечности толкают униженных рабочих в революцию. Степан Кольчугин становится активным революционером, полностью изведавшим все трудности и опасности пути, на который он вступил юношей. В обширном повествовании Г. три главных героя — наряду со Степаном Кольчугиным мы видим профессионального революционера Бахмутского и интеллигента, ученого, в котором угадываются автобиографические черты, Сергея Кравченко. Их судьбы, пересекаясь друг с другом, и образуют худож.-философский мир романа. **«Степан Кольчугин»** интересен еще и тем, что в нем писатель с горечью, с чувством тягостного прозрения говорит о фанатичности революционеров, о непримиримости их к любому инакомыслию. Эта линия, по-видимому, должна была развернуться в последней части, но роман из-за начала Великой Отечественной войны, а возможно не только по этой причине, остался незаконченным.

Перед самой войной Г. закончил пьесу **«Если верить пифагорейцам...»** (опубл. в 1946). В ней действуют рабочий-стахановец, бывший герой Гражданской войны, а теперь бюрократ нового типа Монахов, старик Шатавский — поклонник учения пифагорейцев. В 1946, после опубликования, автора обвинили в пропаганде вредного идеалистического учения. Хотя пьесу Г. нельзя отнести к его удачам, но именно стремление не схоластически истолковать круговорот истории вызвало нападки ортодоксальной критики. По одному из предположений (А. Бочаров), причиной обращения к «пифагорейцам» было горестное убеждение Г. в том, что свергнутая тирания царизма вернулась в жизнь в ином облике, т. е. все возвратилось на круги своя. Эта мысль, но уже на более высоком уровне, в ином худож. мире будет проведена писателем в романе «Жизнь и судьба» и в особенности в повести **«Все течет...»**.

В годы Великой Отечественной войны Г. — военный корреспондент газ. «Красная звезда». Он проделал в рядах армии весь путь отступления, а потом и всю дорогу наступления — вплоть до Берлина. Писатель публикует очерки (**«Направление главного удара»** и др.), рассказы. В 1942 им была написана и тогда же опубликована (в газ. «Красная звезда») повесть **«Народ бессмертен»** — первое крупное произведение о войне, где даны не только конкретные и правдивые картины боев и военного быта, но и обобщенная оценка народного подвига. Участник Сталинградской битвы, он пишет несколько очерков об этом сражении. В очерках Г. совершенно нет патетики, нет ни одного восклицательного знака — он рисует ад войны деловито и неторопливо как тяжкую работу солдата, не помышляющего о героизме. Худож. своеобразие его военных произведений состоит в контрасте между обстоятельностью письма и интонации и острейшим трагизмом происходящего и описываемого. Замечательны публицистические очерки Г. **«Украина без евреев»**, **«Треблинский ад»**, **«Германия»** и др. Опыт войны требовал от писателя широкого эпического полотна, и он приступает сначала к созданию романа «За правое дело», а потом к его продолжению — роману «Жизнь и судьба». Они образовали собою дилогию, в которой нашли отражение самые заветные и выношенные мысли писателя, его философия истории и войны, самостоятельность его взгляда на современность.

Роман «За правое дело», законченный в 1949 и опубликованный в 1953 (отд.

изд.— 1954), проходил в печать несколько лет именно ввиду самостоятельности авторской мысли. Писатель вынужден был дорабатывать его по многочисленным замечаниям, сводившимся к критике философской проблематики и к требованиям более широкого показа роли партии, в частности политработников в армии, и т. д. При всех исправлениях и купюрах (впоследствии восстановленных) роман стал одним из наиболее значительных произведений советской литературы о войне.

Второй роман, «Жизнь и судьба», не смог быть опубликованным при жизни писателя — рукописи, машинописи и черновики, даже ленты с пишущих машинок были конфискованы. Произведение было признано антисоветским из-за прямоты авторских суждений о характере советского общества, из-за правдивости изображения нравственно-психологических коллизий, характерных и для годов войны, и для послевоенного времени. Убедившись в невозможности опубликовать роман, Г. писал его с несравненно большей свободой, чем «замученный» поправками, вынужденными вставками роман «За правое дело». Критика отмечала, что беспощадная правда выступила в этом произведении с еще большей силой и концентрированностью; что следует даже говорить о двух разных романах, лишь в относительной степени составляющих дилогию.

В повести «Все течет...» (1989) герой, вернувшийся из многолетней ссылки, куда попал по ложному доносу, не видит принципиальной разницы между недавней тюрьмой и т. н. свободой. Повесть почти бессюжетна и представляет собою обширное философское размышление писателя о порочности общества, построенного на антигуманной основе. Всем ходом рассуждений своего героя писатель проводит мысль о пагубности тоталитарных систем, будь это социалистическое, как в СССР, или национал-социалистическое общество в Германии.

Соч.: СС: в 4 т. М., 1998; Счастье. М., 1935; Рассказы. М., 1937; Повести и рассказы. М., 1950; За правое дело. М., 1954; Повести, рассказы, очерки. М., 1958; Старый учитель: Повести и рассказы. М., 1962; Добро вам, люди! Жизнь и судьба. М., 1990; Все течет...: Поздняя проза. М., 1994.

Лит.: Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана; Берзер Анна. Прощание. М., 1990; Бочаров А. Василий Гроссман: Жизнь. Творчество. Судьба. М., 1990; Лазарев Л. Когда свершился суд времени... // Гроссман В. Все течет...: Поздняя проза. М., 1994. С. 3–8.

А. И. Павловский